

Подсудимые со связями

Показания начальника Карабулакского ГОВД **Исы Хамхоева**, сменившего на этом посту Н. Гулиева, интересны с точки зрения не только характеристики подсудимых, но и обстановки, в которой идет процесс. Они многое объясняют в этой драме. Хамхоев, признанный потерпевшим по этому делу, **28 октября** давал показания о том, как отстраненный от своих обязанностей Гулиев с подручными пытался захватить ГОВД **17 сентября 2010 года**.

Отвечая на вопрос прокурора Ахильгова о том, что произошло в этот день, Хамхоев рассказал: *«Приказом министра внутренних дел на меня было возложено исполнение обязанностей начальника ГОВД по г. Карабулак. 17 сентября 2010 года утром я находился на рабочем месте. Без десяти восемь, по-моему, Гулиев попытался зайти ко мне в кабинет. До этого, согласно приказу МВД, мной был объявлен план «Крепость»: в случае нападения или попытки завладения отделом в отделе вводится план «Крепость». Здание было оцеплено. Однако по непонятным причинам Гулиеву удалось зайти в отдел. На мой вопрос, что ему нужно, Гулиев, ничего не говоря, поднялся в мой кабинет. Когда я садился в свое кресло, Гулиев оттолкнул меня в сторону. Я ему сказал: «Что ты делаешь, одумайся!». Но Гулиев ударил меня. Тогда я применил прием самбо - Гулиев упал и ударился об стол. Он попытался выхватить пистолет, но я его у него отобрал и положил в сейф. На шум прибежали сотрудники ГОВД и увели Гулиева на первый этаж.*

Прокурор Ахильгов: В связи с чем вы объявили план «Крепость»?

Потерпевший Хамхоев: Имелась информация, что Гулиевым будет предпринята попытка захвата отдела.

Прокурор: А по поводу автотранспорта?

Потерпевший: Несколькими днями ранее я звонил Гулиеву, просил его вернуть служебный транспорт и транспортные средства, которые находились в угоне и должны были быть на территории отдела в распоряжении начальника ГОВД (подсудимые использовали угнанные, а затем найденные машины в своих целях. - *Прим. автора*).

Прокурор: Что это за транспорт?

Потерпевший: Это три автомашины, которые находились в федеральном розыске, - ВАЗ 2114 и две «Приоры».

Прокурор: А служебный транспорт какой?

Потерпевший: «Волга» и две «Приоры». Гулиев мне ответил, что 17 числа он выходит на работу. Я ему на это сказал, что до приказа министра я буду исполнять обязанности начальника отдела.

Прокурор: После этого Вы видели Гулиева в тот же день?

Потерпевший: Да, в кабинете участковых. Он опять попытался меня ударить, свалил монитор, сотрудники его успокоили.

Затем к допросу приступила адвокат И. Нальгиева **Аза Яндиева**.

Адвокат Яндиева: 13 августа, когда уходил в отпуск Гулиев, Вы знали, что служебный транспорт он не должен с собой забирать?

Потерпевший: Да, я это знал, как и то, что он не имеет права забирать с собой действующих сотрудников из числа ППС, целый взвод. Я докладывал министру по этому поводу и неоднократно звонил Гулиеву.

Адвокат: И что Вам ответил Гулиев?

Потерпевший: Ничего не ответил.

Адвокат: И какие Вами были предприняты меры после этого?

Потерпевший: Мною было доложено министру.

Адвокат: И что ответил министр?

Потерпевший: После этого приехал глава республики и сказал, что Гулиеву необходимо

оставить двух человек в охране, а остальные должны быть возвращены в отдел.

Адвокат: А о транспорте ничего не сказал?

Потерпевший: Сказал, что одну машину ему надо оставить, а остальной транспорт забрать.

Адвокат: Вы забрали?

Потерпевший: Нет.

Адвокат: Почему?

Потерпевший: Как почему? Мной были предприняты попытки вернуть транспорт, но в МВД мне сказали, чтобы я ничего не предпринимал, чтобы избежать конфликта.

Адвокат: Кто именно сказал?

Потерпевший: Руководство МВД.

Адвокат: Кто именно?

Потерпевший: Я не могу сказать.

Вот, значит, как: отстраненный от должности начальник милиции уводит с собой целый взвод сотрудников и парк автомобилей, и руководство МВД не требует все это вернуть - чтобы «*избежать конфликта*»! Тем самым это руководство дает ему средства для попытки силового захвата ГОВД и уверенность в своей безнаказанности, и поэтому должно было бы разделить с ним ответственность за это беспрецедентное событие.

Несмотря на остроту конфликта с Гулиевым, Иса Хамхоев заявил, что у него нет каких-либо претензий к бывшему милиционеру, и попросил рассматривать дело в его отсутствие. Возможно, нынешний начальник ГОВД отказался от претензий к бывшему, потому что в драке одержал над ним верх. Нельзя также не отметить, что Иса Хамхоев — один из немногих потерпевших, кто отказался урегулировать конфликт с подсудимыми по-вайнахски (при участии старейшин, с выплатой компенсации) и не стал призывать суд освободить их от наказания.

Страдания свидетелей

Самое удивительное на процессе — поведение свидетелей и потерпевших. То, что происходит с ними, когда они оказываются посреди зала на кафедре для выступающих, часто вызывает чувство сострадания.

Вот, например, допрос оперативного дежурного ГОВД г. Карабулак **Ахметхана Ганиева**, вызванного в суд для дачи показаний по эпизодам незаконного задержания сотрудников Назрановского межрайонного следственного отдела **Горчханова** и **Парагульгова** и ареста КАМАЗа с нефтепродуктами. Именно Ганиев дежурил в ГОВД, когда туда доставили следователей и арестованный КАМАЗ.

После оглашения показаний, данных свидетелем на следствии, прокурор задал ему вопрос, согласен ли он со всем, что изложено в протоколе.

Свидетель Ганиев: Да, согласен.

Прокурор: Вы подтверждаете эти слова?

Свидетель: Да, подтверждаю.

Прокурор: Вы говорили на следствии, что именно Гулиев приказал Вам вернуться в свой кабинет и не вмешиваться в происходящее? Так это было?

Свидетель: Не помню.

Прокурор, как и многие в зале, заметил, что у свидетеля трясутся руки.

Судья Аюшева: Как так получается, Вы подтверждаете слова в протоколе, а на конкретный вопрос говорите, что не помните. Может ли так быть?

Свидетель: Я не помню.

Судья: Входило ли в Ваши должностные обязанности быть в курсе всего, что происходит на

территории Карабулакского ГОВД?

Свидетель: Да.

Судья: Вы были в курсе? Вы пытались вмешаться? У Вас в ГОВД в камеру сажали пять человек, в том числе женщину. На территорию ГОВД был загнан КАМАЗ с нефтепродуктами, а также легковой автомобиль. Вы их зарегистрировали?

Свидетель: Не помню.

Судья: Выходит, Вы не исполняли свои прямые обязанности? Вас за это должны были наказать со всей строгостью закона.

Молчание.

Судья: Вы исполняли свои обязанности?

Свидетель: Не помню.

Судья: Что Вы не помните?

Свидетель: Ничего не помню.

(Смех в зале).

Судья предложила отпустить свидетеля. Прокурор сказал, что могут появиться другие вопросы, на что судья ответила: *«Ну, что мы можем сделать со свидетелем, который страдает сильной формой амнезии? Он завтра не вспомнит, что вообще приходил к нам в суд»*.

Провалами в памяти страдает на этом процессе большинство свидетелей. Один из них даже не смог вспомнить, какое у него образование. Не только трясущиеся руки выдают напряжение и страх свидетелей. Другой свидетель после каждого ответа порывался покинуть зал суда. Многие предпочитают просто не являться в суд. **17 ноября** судья отметила, что с каждым днем свидетелей, которых необходимо доставлять в суд приводом, становится все больше и больше. В связи с этим прокурор предложил написать на имя министра МВД частное определение на свидетелей-полицейских, которые срывают процесс.

Тактика защиты

Массовая амнезия и трясущиеся руки — признаки систематической работы, которую ведут со свидетелями подсудимые и их защитники. Они во что бы то ни стало стараются доказать, что следователь **Адлан Ферзаули** сфабриковал уголовное дело против Гулиева и Нальгиева. Многие свидетели опровергают в суде показания, данные на следствии, и либо отрицают подлинность своих подписей под протоколами допросов, либо утверждают, что подписывали их не читая. А некоторые, как Ахметхан Ганиев, умудряются и дать новые показания, противоречащие тем, что давали на следствии, и одновременно подтвердить старые.

8 ноября произошел эпизод, с очевидностью обнаруживший закулисную работу, направленную на дискредитацию следствия. На допрос по эпизоду задержания Горчханова и Парагульгова был вызван бывший стажер Карабулакского ГОВД **Иса Цуров**. После первых вопросов прокурора Иса неожиданно сообщил, что утром к нему приезжал следователь Ферзаули и передал бумагу со словами: *«Скажи на суде то, что здесь написано, тебе же еще жить...»*. Текст на бумаге полностью соответствовал показаниям, которые Цуров дал на следствии. При этом, как отметил прокурор, ничего существенного, ради чего имело бы смысл оказывать давление на свидетеля, в его очень кратких показаниях не содержится. Отвечая суду об утреннем визите следователя и на другие вопросы, Цуров постоянно противоречил себе и совершенно смешался, когда выяснилось, что Ферзаули не мог к нему приезжать, так как находился за пределами республики. Его показания вызвали иронию даже со стороны защиты: адвокат Гулиева назвал свидетеля находкой для суда. Прокурор согласился и добавил: *«Он нам послан Всевышним»*.

Потерпевшие без претензий

Поведение потерпевших, а их на процессе 14, мало отличается от поведения свидетелей. Большинство из них направили в суд заявления с просьбой рассматривать дело в их отсутствие и отказом от претензий к подсудимым (то есть об отказе подавать против них гражданские иски о возмещении ущерба). Это не снимает обвинения с подсудимых, но психологическое влияние на участников процесса, безусловно, оказывает и, возможно, скажется на исходе дела.

Однако не все потерпевшие уклонились от участия в суде. **Ислама Хамхоева** удалось доставить в суд, правда, по словам прокурора, с большим трудом. Показания, которые он дал в суде **15 ноября**, многое объясняют в этом процессе и стоят того, чтобы привести их почти целиком. Допрос начал прокурор.

Прокурор: Расскажите, доставляли ли Вас в ночь с 26-го на 27 июля 2010 года в Карабулакское ГОВД? Кто с Вами был и в связи с чем Вас доставили?

Потерпевший Хамхоев: Мой брат Ахмед работает здесь, в Карабулаке, у него своя фирма, и он попросил меня поехать туда, где перекачивают мазут и отправляют вагоны. Когда мы туда подъехали, к нам направились пять-шесть автомобилей, нас задержали и доставили в ГОВД.

Прокурор: Кто с Вами был?

Потерпевший: Со мной в машине был Анзор Султыгов, а на КАМАЗе – Хамхоев, Льянов, Кастоев. Ну, нас всех задержали и посадили в камеру. Через некоторое время нас вывели и мне сказали, что я должен отдать один миллион рублей и автомобиль «Лада-Приора».

Прокурор: Кто тебе это сказал?

Потерпевший: Нальгиев Ильяс.

Прокурор: Он сейчас здесь?

Потерпевший: Да, вот он сидит (*показывает на Нальгиева*).

Прокурор: За что он с Вас это потребовал?

Потерпевший: Я и спросил у него, по какой причине нас задержали и зачем я должен ему платить такие деньги с машиной? Меня обратно завели в камеру и через некоторое время опять вывели. Он мне пригрозил: если я не отдам один миллион рублей и «Ладу-Приору», то у меня в машине найдут «вещи».

Прокурор: Что это за вещи?

Потерпевший: Не знаю. Сказал: арсенал, гранату, что там еще.

Прокурор: А до этого случая Вы были знакомы с Нальгиевым?

Потерпевший: Да.

Прокурор: Вы ему говорили: «Мы же знакомы! Что ты делаешь?»?

Потерпевший: Клянусь, сказал, как мог. Вот, он же здесь сидит. Затем я позвонил своему брату и сообщил о требованиях Нальгиева. Когда нас выпустили из камеры, мой брат сказал мне, что за нас заплатили 600 тысяч рублей.

Прокурор: Кто-нибудь из руководства был там в то время?

Потерпевший: Нет. Я больше никого не видел.

Прокурор: Нальгиев говорил, что ему надо поделиться этими деньгами? Он не называл ли каких-то имен? Сказал, что ему нужно поговорить с начальником?

Потерпевший: Да, да, он сказал «с начальником». Сказал, что переговорит с начальником и вернется.

Далее к допросу приступила адвокат Нальгиева Аза Яндиева. Она, как всегда, пыталась вывести неудобного свидетеля из себя, запутать, чтобы получить нужный результат. Зачастую ей это удается. Но Хамхоев держался твердо.

Адвокат Яндиева: У меня есть вопрос к подсудимому Нальгиеву, не прерывая допрос свидетеля. Нальгиев встаньте. Вы подтверждаете слова потерпевшего?

Подсудимый Нальгиев: Нет. Не подтверждаю.

Адвокат: Вы требовали эти деньги?

Подсудимый: Ну, что он говорит! Как я могу требовать такие деньги?! Надо что-то совершить, чтобы потребовать миллион рублей. Не знаю, что он мне тут говорит.

Адвокат: Вы имели какое-то отношение к этому задержанию?

Подсудимый: Нет. Никакого отношения.

Адвокат (потерпевшему Хамхоеву): Вы сказали, что возимая Вами нефть была законной?

Потерпевший: Да. Законной. У нас были все документы.

Адвокат: Скажите, потерпевший, пожалуйста, у Вас все по закону, почему Вы тогда согласились заплатить 600 тыс. рублей?

Потерпевший: Я ещё раз Вам говорю, мне сказали, что в моей машине найдут «вещи»...

Адвокат: Вы спросили: «Какие вещи найдутся в моей машине? Сколько хочешь клади там. Если это не моё - не докажешь»? Вы этого не говорили? Не отстаивали свои интересы?

Потерпевший: Он мне сказал, что будет вестись видеосъёмка, как эти вещи извлекаются из багажника моей машины.

Адвокат: Вот эти вещи, как Вы их называете, они не имеют названия?

Потерпевший: Ну, гранаты, арсенал... Откуда я знаю, что он конкретно собирался извлечь из моей машины. Если требуют автомобиль и один миллион рублей, то, наверное, подложат что-то серьезное.

Адвокат: Нет. Скажите, почему Вы все-таки позвонили брату, если у Вас все в порядке?

Потерпевший: Кому еще я могу позвонить, если не своему родному брату? Если бы я знал твой номер и что ты - такая крутая, то я позвонил бы тебе! (*Смех в зале*).

Увлечшись стремлением дискредитировать потерпевшего, Яндиева не заметила, что помогала ему подтвердить факт вымогательства со стороны Нальгиева.

Подсудимый (потерпевшему): Я Вам когда-нибудь угрожал?

Потерпевший: Ко мне много раз приходили люди от Гулиева. Угрожали и пытались запугать меня. Я не знаю, кто они были. Приезжали на черной «Ладе-Приора». Мне конкретно говорили, чтобы я отказался от показаний, иначе я пожалею. Я сказал, что от показаний не откажусь, пусть исполняют свои угрозы.

Адвокат Гулиева Магомадов: Обращались ли Вы в правоохранительные органы? Вы лично писали заявление?

Потерпевший: Да, писал. До того, как написать заявление, точнее, подать его в суд, оно лежало дома, готовое, мы отправляли людей к ним домой, для урегулирования вопроса. Мы сказали, что если заявление подадим, то этот вопрос будет уже трудно урегулировать. Никто на это не стал реагировать, после чего я обратился в суд.

Судья: Скажите, Вы гражданский иск предъявлять будете?

Потерпевший: Нет.

Судья: Вы претензии имеете к Нальгиеву, Гулиеву?

Потерпевший: Нет. Они вернули те деньги, что с нас незаконно получили, после чего мы пошли на примирение. Мы урегулировали вопрос по-вайнахски.

Судья: Скажите, по поводу меры наказания Вы согласны с прокурором или хотите, чтобы подсудимых не наказывали?

Потерпевший: Ну, по мере возможности надо смириться к ним.

Главная тема

Несмотря на обилие эпизодов, потерпевших и свидетелей, все понимают, что главная тема на процессе — обвинение Нальгиева в истязаниях Зелимхана Читигова. Если обвинение будет доказано и суд решится вынести предусмотренный законом приговор, Нальгиева ждет длительное тюремное заключение. Это будет первый подобный приговор в *Ингушетии*. И, возможно, это послужит предостережением для других нальгиевых, имя которым - легион.

19 октября был вызван на допрос судья Карабулакского районного суда **М. Тумгоев**, который избрал Зелимхану меру пресечения в виде заключения под стражу. Присутствовавший на процессе наблюдатель от Нижегородского Комитета против пыток заметил, что прокурор **М. Мурзабеков** (основной прокурор — М. Ахильгов; на некоторых заседаниях его заменяет Мурзабеков) вел допрос судьи очень осторожно, не задавал свидетелю неудобных вопросов. Судья Тумгоев пояснил, что к нему действительно выходили с ходатайством об избрании меры для Читигова в виде заключения под стражу. Но когда он вошел в зал заседания, то увидел, что обвиняемый лежит на скамье в клетке. Судья лично, с милиционерами, которые привели Зелимхана, пытались привести его в чувство, но не смогли и вызвали «скорую помощь». Когда врач начал оказывать Читигову помощь, он стал кричать, чтоб от него «убрали щипцы», то есть находился в очевидно невменяемом состоянии. Врачи сказали судье, что Зелимхана необходимо срочно госпитализировать, зафиксировали повреждения конечностей, ожоги тела. Но судья не стал торопиться: сначала рассмотрел и удовлетворил ходатайство по мере пресечения. Тем не менее, важно, что судья подтвердил: Зелимхан был доставлен из Карабулакского ГОВД в суд в тяжелом состоянии.

Тогда же были допрошены дознаватель **Р. Котиев**, доставивший Зелимхана в суд и не заметивший у него никаких телесных повреждений, и начальник угрозыска ОВД по г. Карабулак **Идрис Веджижев**, подписавший рапорт о задержании Читигова. Он утверждает, что этого рапорта не писал и Читигова не задерживал - этот рапорт ему на подпись подsunул его начальник Нальгиев. Свидетель рассказал такую историю: оказывается, Зелимхана кто-то похитил, а сотрудники Карабулакского ГОВД его через два дня нашли в карьере, а многочисленные телесные повреждения Читигов, якобы по его собственным словам, получил, когда «лазил по карьере: шел там и падал, шел и падал». (Разумеется, ничего подобного Зелимхан не говорил, тот же Веджижев пытался заставить его подписать эту чушь: избивал пластиковой бутылкой с водой, душил телефонным проводом, но безуспешно).

Видимо понимая, что показавшие свою эффективность способы обработки свидетелей и потерпевших в отношении Читиговых могут не дать результата, защита Нальгиева предприняла экстраординарные меры. **1 ноября** адвокат Нальгиева Аза Яндиева выступила с сенсационным заявлением: у ее подзащитного есть алиби, оказывается с **16 апреля по 8 мая 2010 года** Нальгиев находился на лечении в лор-отделении Ингушской республиканской больницы и, следовательно, принимать участие в истязаниях Зелимхана Читигова не мог. В связи с этим адвокат ходатайствовала о приобщении к делу медицинской справки о стационарном лечении Нальгиева и о привлечении к ответственности за ложный донос (кого именно, не пояснила). Справка была приобщена к делу, а заявление судья рекомендовала направить в прокуратуру. Почему Нальгиев не заявлял о наличии алиби ни на следствии, ни ранее на суде, догадаться нетрудно.

В тот же день на процессе произошло еще одно важное событие: дала показания **Марьям Эсмурзиева**, вызванная в ГОВД Карабулака как адвокат по назначению, когда милиционеры, не добившись от Зелимхана признания в причастности к теракту и не сумев уничтожить его, стали фабриковать против него обвинение в хранении взрывчатого устройства. Марьям была первым человеком без погон, который увидел Зелимхана после четырех дней пыток. Ее показания произвели столь сильное впечатление, что мать Нальгиева упала в обморок. Правда, когда окружающие, включая мать Зелимхана, бросились ей помогать и решили вызвать «скорую», она бодро поднялась и досидела до конца заседания без каких-либо признаков недомогания.

Между прочим, Марьям рассказала, что после встречи с Зелимханом ее вызвал Н. Гулиев и сказал, что защищать таких, как Читигов, не надо, их нужно убивать. Марьям ответила, что не откажется от защиты. Тогда Гулиев стал ругаться и угрожать: «*Тех, кто против нас, ждет*

такая же участь».

3 ноября в суд был вызван **Суламбек Джунидов**. Он сообщил, что вместе с группой старейшин (15-20 человек), по просьбе отца Зелимхана, ездил сначала к родственникам Гулиева, а затем в село *Сурхахи* к Нальгиевым. Свидетель рассказал, что цель их визита была потребовать прекращения пыток в отношении Зелимхана и, если он в чем-то виноват, провести честное расследование. Нальгиев сказал: *«Уходите, не о чем нам с вами говорить. Убили нашего брата и еще к нам приехали... Мне лично известно, что именно Зелимхан Читигов нажал на кнопку и привел взрывчатку в действие»* (Нальгиев - без каких-либо оснований - утверждает, что Зелимхан был причастен к теракту у ГОВД Карабулака **5 апреля 2010 года**, в результате которого погиб его брат **Магомед**. Несмотря на чудовищные пытки, вырвать у Зелимхана признание в совершении этого преступления не удалось, и тогда против него сфабриковали обвинение в хранении взрывчатого устройства).

На суде Нальгиев отрицал факт встречи со старейшинами, утверждая, что в тот день находился в больнице. Это привело свидетеля в замешательство, он пытался освежить Нальгиеву память, называл какие-то детали, говорил с кем рядом он стоял. Но Нальгиев упрямо твердил: *«Не знаю, о чем Вы говорите, Вы не могли меня видеть. Вы говорите неправду»*. В отчаянии Джунидов сказал, что готов поклясться на Коране.

В тот же день давал показания оперативный уполномоченный ГОВД г. Карабулак **Заур Дзейтов**. Отвечая на вопросы очень лаконично, он сообщил, что **30 апреля** вечером (накануне того дня, когда Читигова видела адвокат Эсмурзиева и когда его из зала суда увезли в больницу на «скорой») к нему привели Зелимхана Читигова, что он был в нормальном состоянии, без следов побоев, но при этом сказал, что, по словам Зелимхана, его *«где-то избивали»*. Дзейтов подтвердил, что за несколько дней до этого видел, как Зелимхан приходил в отделение, чтобы узнать, почему им интересовались сотрудники милиции. *«Я позвонил в дежурную часть, объяснил ситуацию, - рассказал Дзейтов. - Мне пояснили, что никто его не вызывал. Я это передал Читигову, и он ушел домой»*. Это было вечером **26 апреля**, а рано утром следующего дня за Зелимханом приехали сотрудники МВД на нескольких машинах и увели из дома, заломив руки, как опасного преступника.

Спрашивается, зачем похищать человека, который накануне сам добровольно пришел в милицию? Почему сотрудники ГОВД, если у них были к Зелимхану вопросы, не воспользовались его приходом, чтобы их задать? Ответ простой: они знали о его невиновности и уже наметили в качестве жертвы, его собирались похитить и выбить нужные показания, а не проводить следствие и собирать доказательства. Им не нужен был свободный законопослушный человек, доверяющий милиции. Им нужен был истерзанный, униженный, дрожащий от ужаса похищенный, готовый подписать что угодно, лишь бы прекратить муки.

17 ноября на вопросы суда отвечал **Хусейн Толдиев**, бывший начальник Центра по борьбе с экстремизмом МВД РИ. В то время, когда в этом Центре пытали Зелимхана, он руководил религиозным отделом. Толдиев заявил, что Читигов в Центр не доставлялся, но вообще старался уходить от прямых ответов на вопросы. Вот, например, фрагмент допроса Толдиева адвокатом Читиговых **Т. Цечоевой**:

Адвокат Цечоева: Вы связь с Нальгиевым поддерживали в марте, мае, апреле?

Свидетель Толдиев: Общение со своими сотрудниками я имею, никаких вопросов.

Адвокат: Вам известно, находился Нальгиев на больничном в апреле-мае или нет?

Свидетель: Был теракт, и, соответственно, он должен был быть на больничном. Когда они непосредственно исполняют свои обязанности, то они не мои сотрудники. И на тот период они не были моими сотрудниками. В штате были у нас, а исполняли обязанности, по приказу министра в карабулакском ГОВД.

Вот и попробуй понять, были ли Гулиев и Нальгиев его сотрудниками.

В конце ноября на процессе выступили два важных свидетеля, которые не давали показаний на следствии и, благодаря этому, остались за пределами навязчивого внимания подсудимых. Это — соседки Читиговых по «Промжилбазе» (место компактного проживания беженцев из Чечни) **Асет Хадисова** и **Молтхан Джохоева**.

Из показаний А. Хадисовой:

«26 апреля 2010 года я была остановлена на территории Промжилбазы двумя людьми, один из них представился участковым. Расспрашивали про Читигова, просили охарактеризовать его, в общем, рассказать про его поведение. Я описала его с положительной стороны и предложила подняться к ним домой (к Читиговым). На следующее утро забрали Зелимхана. Все были в камуфляжной форме и масках. Нам сказали, что это проверка паспортного режима. Потом я увидела, как ведут Зелимхана. Его вели грубо, заломив руки, согнув, а затем затолкнули в одну из машин. Зелимхан не сопротивлялся. Быстренько поднявшись на тропинке позади корпуса, несмотря на то, что я была на последнем сроке беременности, я увидела, что машины поехали в сторону Карабулака».

Из показаний М. Джохоевой:

«27 апреля ворвались люди в масках... Комендант сказал, что ищут Зелимхана, и он вместе с ними поднялся к Читиговым. Затем я увидела, как ведут Зелима и крикнула Зухре: «Беги, чего ты стоишь, садись с ним в машину!». На что Зухра ответила: «Мой сын ни в чем не виноват, они его отпустят».

29 апреля к ним опять приехали неуполномоченные лица, оцепили весь первый этаж, среди них был Нальгиев. Я сказала Нальгиеву: «Что вы делаете? Ведь он такой же ингуш, как вы!». Он ответил: «А кто мне вернет убитого брата?».

Эти показания подтверждают факт незаконного похищения Зелимхана 27 апреля 2010 года и опровергают «алиби» Нальгиева. Не зря после выступления Молтхан Джохоевой Нальгиев выкрикнул: *«Вот теперь Читиговы убьют эту женщину, чтобы свалить на меня!»*. Таков стиль этого человека — угрожать в чуть завуалированной форме прямо в зале суда.

Дала показания и мать Зелимхана **Зухра Читигова**. Она сообщила о том, что видела Нальгиева и общалась с ним на Промжилбазе 29 апреля во время обыска, когда в пеленках ее новорожденной внучки было «найдено» взрывное устройство, готовое взорваться в любой момент и потому немедленно уничтоженное. По словам соседей, до ее прихода Нальгиев схватил за горло и бил об стену жену Зелимхана.

Кульминацией процесса стали показания отца Зелимхана и его законного представителя — **Шейх-Магомеда Читигова – 28 ноября 2011 года**.

Он сообщил, что, узнав о задержании сына, пошел с родственниками в ОВД г. Карабулак, чтобы выяснить местонахождение и причину задержания сына. Но там с ними никто не стал разговаривать. Тогда через знакомого Ш. Читигов попросил передать руководству ГОВД, что готов сам публично наказать своего сына, если он виноват, но только пусть они скажут, где он находится и в чем его вина. Его просьбу проигнорировали. Еще до этого от стажеров, работавших в ГОВД, Читигов узнал, что над его сыном издеваются. Вместе с 15-ю родственниками он ходил домой к Нальгиевым, чтобы попросить не мучить сына. Но их не стали слушать. Ш. Читигов сказал, что готов был бы простить, если бы к нему обратились с извинениями, но этого не произошло.

Отвечая на уточняющие вопросы, Ш. Читигов пояснил, что сначала он получил записку от

сына, в которой тот указал фамилии людей, виновных в пытках над ним. Затем, когда Зелимхана поместили в больницу, он смог поговорить с ним и узнать о подробностях его задержания и пыток. Пытали Зелимхана в здании Центра по борьбе с экстремизмом. Ш. Читигов описал пытки, которыми подвергся его сын: пропускали ток, били арматурой, вырывали ногти, два человека сидели на плечах, а третий выламывал ноги. Кто именно пытал током, вырывал ногти у Зелимхана, Ш. Читигов не знает, но его сын видел Нальгиева, который ругался на него матом, засовывал ему пистолет в рот, бил между ног, засовывал пистолет сзади, плевал на него, мочился. Нальгиев был заинтересован в том, чтобы выбить из Зелимхана показания о том, кто убил его брата. Все эти подробности Ш. Читигову стали известны со слов Зелимхана и других свидетелей, из которых Ш. Читигов назвал только сотрудника полиции **Барахоева**. Других называть не стал, но при необходимости пообещал указать, если надо будет разбираться по вайнахским обычаям.

Рассказ Шейх-Магомеда произвел на присутствующих большое впечатление, в том числе и на судью: она была явно взволнована.

Прокурор Мурзабеков спросил, мог ли Нальгиев в одиночку нанести такой тяжкий вред здоровью Зелимхана. Читигов ответил на этот вопрос утвердительно. *«Током, может, и не пытал, но остальные повреждения причинить мог. Если бы я хотел врать, - сказал Ш. Читигов, - я мог сказать, что и Гулиев пытал, но чего не было, того не было».*

Нальгиев, как обычно, все отрицал. Гулиев утверждал, что Нальгиев в это время находился на лечении и он ходил к нему в больницу. И под конец добавил: *«Возмущает, что все акцентируют внимание только на этом случае с Читиговым. Таких фактов по республике было много».* Можно понять досаду Гулиева, но руководству правоохранительных органов стоило бы прислушаться к его компетентному мнению: таких фактов по республике много, поэтому ограничиваться привлечением к ответственности только Гулиева с Нальгиевым — несправедливо.

22 ноября коллегия Верховного суда Ингушетии рассмотрела жалобу адвокатов семьи Читиговых Т. Цечоевой и **Н. Хасановой** на постановление Карабулакского районного суда об отказе в изменении меры пресечения Нальгиеву и Гулиеву с подписки о невыезде на заключение под стражу.

В своем выступлении адвокаты Читиговых указали, что Нальгиев оказывает давление на свидетелей, в том числе на мать Зелимхана Зухру Читигову, которой по этому поводу пришлось подать жалобу в прокуратуру. Из-за угроз со стороны подсудимых семья Читиговых не может вести нормальный образ жизни: стараются меньше выходить из дома, сестры Зелимхана не ходят в школу и вуз. Из-за давления со стороны обвиняемых некоторые свидетели отказались от своих показаний, данных на предварительном следствии. Большинство потерпевших заявили о том, что они претензий к Гулиеву и Нальгиеву не имеют.

Адвокат Т. Цечоева обратила внимание суда на то, что Нальгиев обвиняется в совершении преступлений, два из которых считаются особо тяжкими, за которые предусмотрены максимальные сроки наказания в виде лишения свободы до 12 лет, три преступления являются тяжкими, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более 10 лет, и одно преступление - средней тяжести, за которое предусмотрено 5 лет лишения свободы. При этом заключение под стражу, согласно закону, применяется в отношении подсудимых, обвиняемых в преступлениях, за которые уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 2 лет.

Коллегия приняла решение отменить постановление Карабулакского районного суда и направить дело на новое рассмотрение.

Это - важный успех. Однако, надежды на то, что Карабулакский суд решится изменить меру пресечения Нальгиеву и Гулиеву на арест, очень мало. Об этом свидетельствует, в частности, позиция судьи и прокурора по вопросу предоставления государственной защиты матери Зелимхана, Зухре Читиговой. Заявление Зухры было вызвано неоднократными угрозами в ее адрес и в адрес мужа со стороны Нальгиева и близких к нему людей.

Например, незадолго до начала процесса к дому Читиговых в Чечне подъехал черный автомобиль «Лада-Приора» без номеров, с водителем в камуфляжной форме. Вышедшая из машины женщина пыталась запугать Зухру, чтобы она не давала показания на суде. Услышав отказ, сказала: *«Себя не жалеешь — пожалей детей»*.

Нальгиевы не стесняются озвучивать угрозы даже в суде. 28 октября, по окончании судебного заседания, Нальгиев преградил Зухре и адвокату Нелли Хасановой выход из зала. Вместе с ним были его родственники и адвокаты Яндиева и Магомадов. Нальгиев потребовал у Зухры, чтобы она написала заявление, что не имеет к нему претензий. Она ответила, что имеет к нему очень большие претензии. Нальгиев заявил, что может поклясться на Коране, что *«пальцем не тронул»* ее сына. Тогда Зухра спросила: *«А ты поклянешься, что не был у нас дома 29 апреля во время обыска?»*. Нальгиев ответил: *«Поклянусь!»* - *«А я тебя видела. Вот цена твоей клятвы»*. Тут Зухре и Нелли удалось прорваться в коридор, и только что готовый поклясться на Коране в своей невиновности Нальгиев прокричал ей вслед: *«Сделаю тебя инвалидом!»*.

Однако не только сторона подсудимых, но и прокурор М. Ахильгов возражал против предоставления Зухре Читиговой госзащиты. Он заявил, что подсудимые и потерпевшие в ходе процесса постоянно оскорбляют друг друга, но угроз с чьей-либо стороны он не наблюдает. Так что фактически прокурор поставил знак равенства между потерпевшими, не замеченными в склонности к насилию, и подсудимыми, обвиняемыми в тяжких насильственных преступлениях.

Судья также пришла к выводу, что для предоставления мер госзащиты оснований на данный момент у суда нет. Она сочла, что, поскольку З. Читигова является косвенным свидетелем и ее показания внесены в протокол, требование к ней об отказе от претензий бессмысленны. Кроме того, в Чечне по ее заявлению об угрозах возбуждено уголовное дело, о результатах расследования которого пока ничего не известно. Судья предложила Читиговой дополнить заявление документами, подтверждающими угрозы, среди которых могут быть и материалы уголовного дела, возбужденного по ее заявлению.

Внешне логичные, доводы судьи лишь слегка камуфлируют нежелание удовлетворить ходатайство Зухры о предоставлении госзащиты. Ведь не имеет никакого значения, бессмысленны требования Нальгиева или нет, важно, что такой человек, как он, настаивает на своих требованиях и угрожает. А рекомендация представить документальные доказательства угроз - да еще в присутствии угрожающих - выглядит как насмешка.

Позиция суда и обвинения по вопросу предоставления Зухре Читиговой госзащиты кажется странной: ведь не желают же они, в самом деле, дать подсудимым возможность осуществить свои угрозы? Скорее всего, эта позиция объясняется тем, что предоставление Зухре госзащиты послужит признанием, что Читиговым угрожает реальная опасность со стороны подсудимых, и станет дополнительным аргументом в пользу изменения им меры пресечения.

12 декабря Нальгиев также решил выступить с письменными возражениями на заявление Зухры о предоставлении ей госзащиты. Этот документ заслуживает цитирования с сохранением орфографии и пунктуации: «... *Невольно вспоминаю слова Уильяма Болита: «Самое важное в жизни состоит не в том, чтобы максимально использовать свои успехи. Каждый дурак способен на это. Действительно важным является умение извлекать пользу из потерь».* Так вот, Читигова и рада была бы, чтобы я её угрожал, однако в мои планы не входит увеличивать и без того имеющиеся препятствия на моём пути воздвигнутые следователем следственного отдела по г. Карабулак... и вот пользу из потерь чета Читиговых умеет извлекать это очевидно. Сына Читигова... вывезла за границу при не отмененной мере пресечения... где последний пребывает в статусе беженца. И вот очередная действительность пасквильями Читигова пытается в отношении старших членов семьи получить статус беженцев. Более того, со стороны последнее на протяжении всего процесса наблюдается базарный лексикон, базарные непосредственность...»

Хочется сказать «спасибо» Нальгиеву за «базарную непосредственность»: замечательное выражение, больше всего подходящее к нему самому.

Чем, как не непосредственностью, можно объяснить то, как этот любитель афоризмов из интернета выдает свою базарную шкалу ценностей? О том, что Зелимхан «пребывает в статусе беженца», Нальгиев говорит как о какой-то привилегии. Видимо, стоит напомнить, чем расплатился Зелимхан за эту «привилегию».

Здоровый и сильный парень стал инвалидом, девять месяцев провел на больничной койке и в инвалидном кресле, и, хотя он чудом встал на ноги, у него больной позвоночник, больные ноги, киста головного мозга, разорванная барабанная перепонка, сильная потеря зрения, а в душе — незаживающая рана.

Честный и чистый юноша на пороге жизни потерял веру в закон, доверие к государству, надежду на справедливость.

Вайнах, любящий свою землю, вынужден покинуть родину и жить вдалеке от родных и близких, чтобы какие-нибудь нальгиевы вновь не выволокли его из дома и не подвергли пыткам.

Надеемся, что «услуги», оказанные Нальгиевым Зелимхану, «пребывающему» по его милости в статусе беженца, будут по справедливости оценены судом.

*Подготовлено Е. Буртиной
по аудиозаписям и письменным отчетам сотрудников Правозащитного центра «Мемориал»
и Комитета против пыток, ведущими мониторинг процесса.*